

Этнологические наблюдения в Пинежском крае, Архангельской губ. в 1921 г.

(Из путевых заметок).

М. Б. Едемский.

„Вот Архангельск, вот Пине́га,
Все болота да леса.—
Пропaday-ж моя телега
Все четыре колеса“.

Местн. частушка. Взято из ст. Европ. Русск.
Север. Андр. Журавского (Изв. А. О. И. Р. С.
1911 г., № 16).

7-го июля 1921 года наш небольшой Отряд, имевший специальные задания от Северной Научно-Промысловой Экспедиции, выехал из г. Архангельска, на пароходе „Курьер“, совершавшем рейсы между этим городом и г. Пинегой. Была невообразимая теснота и пассажиры совались всюду, где было можно отыскать еще незанятый кусок палубы, который немедленно занимался вещами и людьми (о сиденьях уж не мечтали). Пароход шел медленно и лишь с наступлением темноты подошел к Усть-Пинежской пристани, а, вслед за этим, очутился в низовьях р. Пинеги. Как и мы, все ехали на Пинегу, кто ближе, кто дальше; значительная, может быть, и большая часть—до города Пинеги. Вследствие мелководья пароход наш подвигался вверх по реке Пинеге еще более медленно и осторожно, чем по Двине, и все поджидал на встречу другой, еще меньший пароходик, который должен был принять и пассажиров и грузы. Утром такая перегрузка действительно была сделана, и большинство пассажиров, в том числе и мы, были отправлены на баржу, где было свободно, но зато приходилось дрожать от холода. К счастью, по временам, когда останавливался пароход, была возможность всходить на него, чтобы запастись кипятком и разогреть или сварить пищу. Здесь на барже начались наши первые знакомства с жителями Пинежского Края, произведшие на нас весьма благоприятное впечатление: народ общительный, бывалый и сведущий; любит свой край, но не скрывает и его недостатков. Разговоры касались занятий жителей, обычаев, промыслов, охоты, развлечений и пр. Все население чисто русское; одежда и наряды ехавших были почти исключительно городских фасонов; но кой-что промелькнуло и в другом роде: русский полушубок и сарафан. Мы узнали, что в верховьях

р. Пинеги еще сохранился старый народный русский костюм, вместе со многими старинными обычаями, и мы непременно хотели побывать в этих местах. Целый день и вечер тянулись мы на нашей барже и лишь глубокой ночью попали, наконец, в город Пинегу (Расстояние между г. Пинегой и устьем р. Пинеги всего 113 верст, между городами Архангельском и Пинегой—204 версты).

Тот путь, который мы только что совершили, является древнейшим и почти единственным, за исключением не всегда возможного морского, путем сношения не только г. Пинеги с Архангельском, но и Пинежского (раньше Кеврольского) и Мезенского уездов, а также и Печорского Края; путь не только летний, но и зимний. Этим путем не только велись и ведутся сношения отдаленных северо-восточных окраин с более западными и культурными центрами, но по нему двигалось когда-то колонизирующее северо-восток славянское население; по нему после шло и завоевание северо-восточных окраин; наконец по этому же пути в новейшие времена идет культурное завоевание северо-востока и изучение его природных особенностей и богатств, как и особенностей быта населения.

Есть указание, что р. Пинега, по крайней мере ее нижнее течение, была занята Новгородцами еще в XI веке, почти одновременно с Сев. Двиной; в 1138 году в Уставной грамоте Святослава Ольговича упоминается о даях епископа новгородского „в Пинеге“. Связи с Новгородом были, повидимому, весьма тесные и оживленные и следы их можно подметить даже и в настоящее время—в характере жителей, в их быте, в произведениях народного творчества, во многих географических названиях и формах языка. „Река Пинега, как по древним ее жителям, так и по нынешним обстоятельствам примечания достойна... жители ее в древности великое имели участие в переменах Двинских“, писал, между прочим, в своих „Дневных Записках“ академик Лепехин в 1771 году. В истории походов на Югру¹⁾ под 1499 и 1503 г.г. имеется указание, что воеводы Московские „пошли рекой Колодою (р. Колодливая на пути от р. Пинеги к р. Мезени) на многие реки... в Печору“. Последнее обстоятельство ясно свидетельствует, что, кроме Новгородского, существовало здесь, начавшееся несомненно несколько позже, и Московское влияние. Возможно, что частичное заселение Пинеги шло и с другого ее конца, с ее верховьев—из краев Сольвычегодских; по некоторым данным тесны были сношения Пинеги и с Вагою, где также сказывалось влияние двух центров—Новгородского и Московского. Не входя в исторические подробности этих связей и влияний, мы попытаемся ниже отметить некоторые следы их, так или иначе сохранившиеся на Пинеге еще и до настоящего времени.

В местных преданиях, с которыми нам удалось ознакомиться лишь весьма поверхностно и отрывочно, сохранились только слабые отголоски и намеки на самые крупные моменты в исторической жизни Пинежского края. Как и в других местах по Северу, здесь весьма распространены рассказы о чуди, о том, как шла борьба пришлого населения („наших“) с чудью, которая в конце концов гибла в неравной борьбе; рядом с этим существуют указания на выходки предме-

¹⁾ См. м. пр., Е. К. Огородников. „Прибрежия Ледовитого и Белого морей, по Кн. Б. Ч.“. Записки Р. Г. О., т. VII. Там же указана литература.

тов культуры, чуждой нынешнему населению, и, очевидно, существовавшей здесь раньше его появления. Между прочим, крестьянин деревни Заозерской, находящейся верстах в 30 ниже г. Пинеги, Я. Л. Зыков, уверяет, что чудь жила около них еще в недавнее время, что последнего чудина убили при его. Зыкова, отце; по словам того же Я. Л. Зыкова, когда делали на Буяне окопы (в последнюю войну), нашли в земле каменный топор, который был передан в д. Вешкоменскую (на станцию); брат Зыкова при постановке столбов на просеке наткнулся на черепки в земле, „как будто бы горшечные“ (керамика доисторического человека?).

На некоторые находки древних памятников культуры указывалось и другими лицами. Так, в д. Кочмогоры, выше г. Пинеги, были найдены каменные жернова, из которых один имел посредине каменный же шип, а другой, верхний, соответствующее отверстие, которым он накладывался на нижний жернов.

По внешнему облику, характеру, духу предприимчивости пинежане во многом напоминают типичных потомков новгородцев, равно, как и жители многих Двинских, Важских и Кокшенгских волостей. В говоре пинежан замечается та же певучесть, какая свойственна жителям низовьев Сев.-Двины и особенно—Ваги и Усьи; этой чертой говор пинежан отличается, напр. от Олонецкого, по-Свирского, и др. мест. Зато оканье, конструкция многих фраз, усечение окончаний глаголов и некоторые другие черты, наоборот, сближают Пинежский говор именно с Олонецким и Новгородским.

„Коровы-те не ходя (не приходят домой с пастбища), дак не доя“. „Молока в тым доме дають (вм. дадут)“. „В том коньцы поищите“, „Мамка сразу самовар—да и на стол тибек а“. „20 раз писали на него“. „Одны за одным“. „Взамен люди не дают“. „Чаю-ту не пьем: не дают, дак...“ „Добро есь“ (сложная форма). „Поперек¹⁾ (произносится е, а не ё). „К сестры за молоком пошла“. Буде Юрла станция (не далеко от нее), в стороны наша деревня“. Во всех этих примерах, записанных мною со слов собеседников-пинежан, много общего с Олонецким говором. В таких названиях, как Чёкозеро, Рагозеро, Нево оз. и мн др., а также в названии ветра шелоник и пр. чувствуется несомненная связь с новгородскими владениями, особенно с Обонежьем. С другой стороны: „Некоудá не бывáл пастух-от“ (по олонецки было бы „пастух-тот“); „промёжек“, „зорóд“, „óхлупень“, „заструга“, „оногдáсь“, „опётъ“, „порáто“ (больно очень), „тотам-тот рас“, „туяс“, „лопóтьє“, „патрать“ и мн. другие слова и формы совершенно таковы же, как и в бассейне р. Ваги, в Вельском и частью Тотемском уездах.

На ряду с этим можно указать формы и особенности речи, свойственные почти исключительно Пинежскому, или Пинежскому и Северо-Двинскому, около-архангельскому говору, и во всяком случае отсутствующие в указанных, олонецком и по-важском говорах. Так напр.: „Нать (надо) подына́ть“. „Понюка́ть“, „Осто́жье“ (по Ваге и в Кокшеньге: „сто́жьє“). „Солны́ша“. „быстередь“, „кина́ть“, „страднё времё“ (по кокшенгски было бы „страдно време“), „и́ша“ (еще). „Пе-

¹⁾ Жирными буквами как здесь, так и в дальнейших словах, выделяются ударения Ред.

шом" (в Олонецкой губ. скажут: „пешо“, в области р. Ваги — „пешком“)“. Окончания: „двоима, троима, рукама“; связать „верефкима“ и т. п. Такие окончания впрочем свойственны и Шенкурскому говору. Окончание л (прошедшее время глаголов) и д в середине слов чаще произносится отчетливо, чем с переходом в у: „учился, строился (и строился)“ и др. Ч произносится близко к ц, иногда почти как ц: „крыноцьку молоцька“.

Разумеется все вышеуказанные элементы речи и особенности говора, в конце концов тесно переплетаются между собою в сознании местных жителей и в пинежском говоре, как в одном целом, не имеющем характера пестроты или мозаичности.

В домашнем быту и внешней обстановке жизни мы встречаем здесь много устойчивой старины, иногда своеобразной, иногда свойственной захолустьям других мест, главным образом вышепоименованных.

Дома строятся, как у других великоруссов севера, просторно, широко, весьма часто двухэтажные. Как и в бассейне р. Ваги¹⁾ дом состоит из переда, озадка и середки. В переду, часто двухэтажном, живут обыкновенно летом, а для зимы строятся назади дома (на озадке) или сбоку небольшие низкие избы-зимовки. Иногда, за отсутствием „зимовки“, перед служит для летнего и зимнего жилья; если он двухэтажный, то зимой для жилья служит нередко лишь нижний этаж переда.

Чаще всего перед строится в виде пятистенка, состоящего из двух равных по размерам помещений — избы и горницы, каждая с тремя окнами на лицо; иногда в избе 3, а в горнице 2 окна на лицо, бывает и в обоих половинах по два, а не по три.

От переда сенями или мостом отделяется скотный двор с хлевами и конюшней — в нижнем этаже (без полу), над которым в верхнем этаже — поветь с клетями и чуланами или горницами и с помещением для корма скоту (сена и соломы). На поветь (сарай) сбоку или сзади ведет въезд или звоз, в виде наклонного бревенчатого помоста, по которому можно въезжать с возом сена, соломы и проч. В скотный двор ведут такие широкие ворота, через которые можно проезжать на санях и на телеге. Зимняя изба бывает или назади, составляет озадок дома, или сбоку и состоит обыкновенно из простого четырехстенного сруба, имеющего около 3-х сажен по длине и по ширине.

Внутреннее расположение в общем таково же, как и в по Двинских и Важских избах. При входе в избу, обыкновенно, направо впереди вы увидите большой или передний угол с иконами, в котором стоит обеденный стол. Левый передний угол, расположенный перед устьем печи, отделяется от остальной избы занавесью или перегородкой и называется сольнойшей; два другие угла называются: направо от входа — задний, а налево — запечный, так как он всегда помещается за печью, располагающейся в углу налево, несколько отступая от левой стены. При входе, в заднем углу, часто стоит кровать, а влево, в углу между задней стеной и печью — умывальник.

¹⁾ См. М. Едемский. „О крестьянских постройках на севере России“. Жив. Стар. 1912 г.

В солныше имеется посудный шкаф. Перед устьем печи—шесток. Возле стен кругом—лавки и скамьи. В верхнем этаже или горнице—стулья; кирпичная печь—голанка, камот и два или три стола, поставленные в простенках между окнами, а также зеркало—наиболее крупные отличия чистой половины от избы.

Стены и потолок, особенно в верхнем этаже или в чистой половине принято штукатурить или белить гипсом, которого здесь неистощимые запасы. Средина потолка при этом обычно украшена рисунком из ряда рельефных концентрических кругов, сделанных весьма правильно и красиво.

Другие постройки—овины, бани и проч. отличаются здесь большой простотой и примитивностью. Замечательно, что сжатый хлеб предварительно высушивается здесь также, как и в Олонецкой губернии—путем развешивания снопов на особых вешелах или пряслах. Молотят—к и ч и г о й представляющей собою колотушку в 8—10 вершк. длиною, $1\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ вершк. шириной и в 1— $1\frac{1}{2}$ вершк. толщиной, с ручкой из сучка дерева, чаще всего березы; причем колотушка и её ручка вырубаются из одного сплошного куска (ручка не приделывается от другого дерева); длина ручки-сучка около 2— $2\frac{1}{4}$ аршин.

Траву косят чаще всего г о р б у ш а м и; сено складывают обыкновенно в стога, называемые здесь з о р о д а м и; стог или зород складывается между жердями, поставленными в землю вертикально, приблизительно на расстоянии одного аршина друг от друга; эти жерди называются—с т о ж а р а м и, а расстояние между ними и также сено, заложенное в нем—п р о м е ж к а м и.

В виду того, что земледелие не составляет здесь исключительного, иногда даже и главного, занятия, то многие из жителей занимаются рядом с ним еще лесным, охотничьим, рыболовным и др. промыслами, уходя из дому часто на несколько недель или даже месяцев. В местах промысла—в лесу, по пустынным и лесным берегам рек и озер, вдали от дому всегда имеются особые избы, т. наз. п р о м ы ш л е н н ы е и з б ы, рядом с которыми иногда устраиваются навесы для стоянки лошадей, а в непосредственной близости—промышленные клетки, для хранения провизии и добычи. Нам не раз приходилось ночевать в таких промышленных избах, на берегах дикой порожистой р. Сотки, и там же видеть промышленные клетки. Промышленная изба рубится прямо на земле (изредка устраивается и с досчатым полом), высотой почти всегда меньше чем в рост человека; с покрытым дерном потолком и с односкатной-крышей; обыкновенная длина, как и ширина от 4-х до 6-ти аршин. В избу ведет маленькая дверь на деревянной пятке (верее); имеется крохотное оконце, редко со стекольной рамой, обычно же закрывающееся обоконком (доской). Внутри близ входа, в том или другом углу, устроена каменка—печка, сложенная из дикого камня, над которой в потолке или даже в стене проделано дымовое окно, закрываемое доскою или тряпками (также сеном); за печкою вглубь избы идут по одну сторону нары, по другую лавки для спанья. Перед каменкой или чаще всего снаружи избы при особом очаге приделаны приспособления—таганки для вешания чайников и котелков, в целях приготовления пищи. Одна такая изба может приютить на ночь до 10 человек (нас ночевало 9 человек).

Устраиваемые при промышленных избах промышленные клетки обыкновенно представляют из себя небольшой, в 2—2½ арш. длины и ширины и около 1—1½ арш. высоты бревенчатый сруб, утвержденный на двух столбах, на высоте около одной сажени от земли. В срубе имеется пол и крыша; доски пола (или дна) клетки частью могут выниматься, образуя тогда входные отверстия в клетку; иногда сдвигаются верхние доски (крыши) для того, чтобы проникнуть в клетку. Для пользования клеткой приставляется лесенка, в виде ступенчатого бревна или иначе устроенная и обыкновенно припрятываемая, по миновании в ней надобности. Мы заинтересовались заглянуть в одну из таких клеток, сооруженную при промышленной избе близ Сотовских озер, в местности, кроме промышленников, никем не посещаемой, и нашли припрятанные в ней два мешка, один—с мукой, другой—с сухарями. Наши проводники из местных крестьян поясняли, что это обычно делается многими и что за сохранность оставленных продуктов не опасаются. (А это было в голодный год, в голодной местности).

Устойчивость старых традиций в местном зодчестве особенно выпукло наблюдается на некоторых видах общественных построек: часовни, церкви, хлебозапасные магазины. Самый распространенный тип церквей, присущий впрочем северу на широком протяжении, это—тип деревянных высоких церквей с шатровыми крышами, иногда крытыми деревянной черепицей, с небольшими, несколько вытянутыми в высоту куполами, крытыми часто также лемехом (черепицей). Таковы церкви в Сояле, Вонге, Пиремени и в ряде других приходов. Кой где сохранился и наиболее простой (а вместе и наиболее старинный) тип высокой, в виде корабля, церкви с двускатной крышей, подразделенной на несколько, на различной высоте расположенных, участков. Такова напр. очень древняя церковь в селе Чаколе (деревянная).

Внутреннее убранство церквей и живопись нередко вполне гармонирует со старинными их внешними формами. В последние годы, правда, много старинных икон заменено новыми; но, как передавал мне Карпогорский учитель Б. А. Потемичкий, ему лично удалось еще видеть в старинной церкви в Немнюге иконы—изваяния (Николая Чудотворца и Георгия Победоносца) и живописные изображения представляющие сотворение мира „в лицах“, „Бревно в глазу“ (притча), „Очи мои выну ко господу“ и т. п. На первом из них представлен почивающий от всех дел творения бог Саваоф—на кровати в сапогах; „бревно в глазу“ изображено буквально торчащим из глаза, как и сучек в глазу другого лица; точно также представлены вынутые перед господом и направленные к нему очи (глаза). На особо чтимых иконах, или на иконах святых, признаваемых за целителей людей и скота, можно встретить много „привесок“ из жести, олова и чистого серебра, представляющих из себя небольшие, до одного вершка длиною, изображения разных частей человеческого тела: руки, ноги, глаза, или изображения домашних животных (овца, корова, лошадь), привешиваемые на икону на шнурках или тесемках. Во время молитвы об исцелении той или другой части тела или животного, снимается с иконы соответствующая привеска и опускается в сосуд с водой, которою, после молитвы, вспрыскивают или поят больного, одним словом—пользуются как целебной водой. Кой-какая церковная старина была взята под охрану

Археологической Комиссией, кой что вывезено в Архангельское Древне-хранилище, но много интереснейших предметов церковной старины нередко валяются просто заброшенными на церковных чердаках. В одиночных случаях, очень уже немногих, старинные иконы и предметы церковной обстановки сохранились еще на своих прежних местах. Так, в Красногорском монастыре показывали нам пожертвованные кн. В. В. Голицыным шитые золотом и серебром на шелку будто бы церевной Софией и подаренные Голицыну иконы, изображающие голгофу, положение во гроб господа (плащаница) и бож. матерь.

В архитектуре часовень наблюдаются особенности, присущие как церковному, так и домовому строительству. Острроверхие, чаще двускатные крыши нередко венчаются черепичатыми куполами, а крыльца и входы напоминают крыльца и входы старинных домов.

Села и деревни ориентируются обыкновенно по реке, озеру, по дороге и проч.; в соответствии с этим дома чаще всего строятся в ряд и обращаются лицевым фасадом в одну сторону. Деревней здесь называется иногда отдельный поселок, иногда же целая группа поселков, называемых околотками; каждый околоток носит свое название и представляет из себя нередко довольно большую деревню. Так дер. Кулогоры состоит из 7-ми околотков—деревень, дер. Цимола—из целого десятка, так же как и дер. Вонга. Названия околотков согласованы со словом деревня, а не околоток; так напр. в дер. Кулогорах имеются околотки: Соколова, Шаньгина, Шаньгина Гора, Клишевская и т. д.

В отношении одежды уже было отмечено, что еще на пароходе рядом с преобладающим городским костюмом, можно было заметить и присутствие старого народного костюма. Во время нашего пути, на остановках парохода нередко показывались на пристанях женщины также в старинных сарафанах и со старинными повязками на голове; но на ряду с ними многие были в городских нарядах. Из многочисленных распросов выяснилось, что старое поколение еще почти повсеместно donsшивает старинный наряд, который постепенно сменяется новым, городских фасонов. Такая смена довольно полно совершилась между прочим в деревнях, расположенных вблизи города Пинеги, отчасти по нижнему течению р. Пинеги и по среднему течению ее верст на 30 слишком выше города. Дальше к верховьям, с Труфановской волости, начинает преобладать старый наряд, который в волостях Михайловской, Никитинской и выше становится почти исключительным. В с. Пиринемском, Михайловской волости, в 93 х верстах выше города Пинеги, нам показывали уже вышедшие из всеобщего употребления и современные праздничные наряды. Чрезвычайно любопытны не только покрои, отделка, цвета, но и названия каждой „лопотины“ (наряда, отдельной части костюма, одежды). Отметим здесь некоторые из них:

1. И с ц е л е н н и ц а (истеленница)—женская длинная рубашка из тонкого холста домашнего приготовления, с воротом, обшитым красною тесьмой.

2. М ы ш н и ц а — почти такая же рубаха, но более нарядная с ластовицами и наплечниками, вышитыми красной бумагой.

3. „С и н я к с о с т р о к а м и“—из тонкого выкрашенного в темно-синий цвет домашнего холста сарафан, с узенькими лямками, которыми

одевался он на плечи; с широкими клиньями в подоле; наперед сверху до низу идут в два ряда „строки“, ленты, вроде позумента, шафранно-оранжевого цвета, немного меньше вершка шириной каждая; между строками ряд оловянных пуговиц с петельками из красного шнура. Тою же лентою, что и наперед, обшит и верхний край сарафана.

4. К у м а ч н и к—сарафан из кумача, такого же покроя и отделки, как и синяк.

5. Г р а н е т у р н и к—сарафан из шелковой двухцветной, зелено-вато-серой с малиновым отливом, материи, такого же покроя и отделки, как синяк, только более богатой. Спешу оговориться, что от обоих последних „лопотин“ нам показывали лишь жалкие остатки: „кумачник я на рубахи вышила“, пояснила хозяйка, „а из гранетурника девка кофту хочет шить“.

6. К о р о т е н ь к а—парчевая, с ситцевой подкладкой, накидка без рукавов, одеваемая на лямках.

7. П о в я з к а—парчевый, шитый жемчугом головной убор молодых девиц; одетый на голову имеет форму непокрытого сверху цилиндра, высотой в 6—7 в.

8. Ш а п о ч к а—зимний, заменяющий повязку, головной убор молодой женщины, преимущественно девушки; он делается из темного „собольего“ меха, на меховой же подкладке и имеет форму головной части самоедского совика или малицы, напоминает отчасти капор; передний край, обрамляющий лицо, имеет толстую меховую выпушку в виде валика и оканчивается у подбородка, откуда под прямым почти углом идет кзади нижний (и задний) край шапочки; таким образом, шапочка закрывает всю голову до шеи, оставляя открытым лишь лицо. Верхушка вместе с верхней частью затылка шапочки покрываются блестящей парчей.

П р и м е ч а н и е. Шапочку и коротеньку в той же Михайловской волости, но в другом приходе (Чакольском), удалось мне приобрести в деревне Заозерской; они переданы мною и хранятся в Этнографическом Отделе Русского Музея в Петрограде.

9. М у ж с к а я б е л а я р у б а х а, с красными ластовицами, с вышитым красными нитками воротником и передней частью ворота („подполочком“) и сверх того с кумачной опушкой по воротнику и вороту. Лет 50 тому назад все ходили в таких рубахах, а теперь лишь изредка донашивают их старики.

10. П о в о й н и к—головной убор замужних женщин, из красной парчи, „о д н о з о л о т н ы й“.

11. С п и с н и к (спичник)—длинное с браными выткаными и вышитыми концами полотенце, вывешиваемое в торжественных случаях на видном месте избы и служащее больше для украшения, чем пользования им.

П р а з д н и ч н ы й н а р я д взрослой молодой девицы, по местному—„х в а л е н к и“ (на положении невесты) в верхних волостях по р. Пинеге, частично еще и в Михайловской и Никитинской, в летнее время состоит из мышницы, поверх которой одевается шелковый сарафан (гранетурник), затем коротенька и повязка; на шею накиды-

вается красный шелковый плат; такой же нескольких меньших размеров шелковый платок, продетый под лямки сарафана и коротенький, прикрывает верхнюю часть груди. На шею одевается еще „п е р л ы ш к о“—от двух до пяти ниток бус (вм. жемчуга), связанных концами вместе. Зимой повязка заменяется шапочкой, а поверх остального наряда одевается крытая сукном шуба, с широким, прикрывающим плечи, воротником из выхухоля, выдры, беличьего, или другого более или менее ценного меха.

Еще 30 лет назад суконных шуб не носили, а мужчины и женщины одевались (и в праздники) в б е л ы е о в ч и н н ы е ш у б ы (полушубки).

Обычный женский наряд здесь в настоящее время состоит из холщевой или ситцевой рубашки, сарафана и платка на голове; у замужних под платком или без платка—повойник. Сарафаны делаются из набойки, пестряди (пестрединник) и фабричных тканей, чаще всего „с и т ц е в и к и“.

На рубашку и сарафан одевается иногда о б ж и м к а, иногда к а б а т у х а. Обжимка—род кофточки, до пояса, делается из разной, чаще всего фабричного производства, материи—ситцу, сатину, ластику и проч.; кабатуха—еще более короткая „лопотина“, изготавливаемая чаще из домашней шерстяной ткани, обычно красного или пестрого цвета.

Из верхней одежды, кроме овчинных шуб и полушубков, в зимнее время, распространены самоедские совики и малицы из оленьего меха.

Относительно мужской одежды следует сказать, что она с давних пор уже приняла, так сказать, неустойчивые формы, так как мужское население по роду своих занятий будучи скорее промышленным, чем земледельческим, находясь в частых отлучках, и проживая в городах, осваивалось там и заносило к себе на родину городские покрои одежды, которые здесь становились все более распространенными. Под влиянием военных событий последнего времени и долгого пребывания английских и др. иностранных войск на пинежском фронте, мужское население почти сплошь оказалось одетым в военную одежду: серые шинели, частью переделанные на пальто, длинные пиджаки и френчи; плисовые куртки и шаровары, коричневые триковые и суконные френчи и брюки английского покроя и с английскими медными пуговицами и т. п. можно было встретить почти у каждого крестьянина, точно также, как английские ботинки, английские офицерские ножи, походную посуду и многое другое, что раздавалось иностранными воинскими частями местному населению за те или другие услуги, или просто потому, что оно считалось мобилизованным.

Главною п и щ е ю пинежан служит ячменный хлеб, отчасти ржаной с овсяным, а приварком—рыба, грибы и отчасти мясо. Из хлебных растений лучше всего удается на Пинеге ячмень, затем овес и, не всегда, рожь. Поэтому ржаная мука чаще—привозная и бывает далеко не у каждого; тем более трудно бывает здесь достать пшеничную муку. Отделом питания в г. Пинеге в 1921 году выдавался хлеб из

ржаной муки с примесью овсяной; но, живя в том доме, где жил и комиссар по продовольствию, мы видели, что кое кто питается и белым крупитчатым хлебом.

Итак наиболее, до 2-х фунтов весом, ячменные хлеба, житники, из той же муки лепешки—шанги и овсяные блины—повсеместная на Пинеге и обычная пища. Сюда в качестве основного продукта питания примыкает молочная пища. Если на небольшую и даже среднюю семью имеется одна дойная корова, то это большое счастье для пинежанина: пинежская корова с отелу, по словам крестьян, может давать до двух пудов в день молока. Молоко хлебают пресным, в виде простокваши и кислым (творог с сывороткой); на молоке варят кашу, иногда пекут пироги, делают яичницу и селянку. Кроме сметаны и масла других продуктов из молока не вырабатывают.

После молока и его производных, наиболее распространенным продуктом питания является рыба; морская—треска, пикша, сайда, зубатка, палтус, сельди,—привозимая в засоленном, отчасти вяленом и сушеном виде; и речная—семга, сиг, хариус, щука, окунь и другие. Наиболее доступной по цене и потому чаще употребляемой здесь из морских рыб является пикша и селедки. Из речной—кто какую промышляет; но, между прочим, во многих деревнях ловят в большом количестве и весьма ценных сортов семгу, которая заготавливается впрок целыми кадками; другими, смотря по месту лова и снастям, заготавливается сиг, щука, окунь и т. д. Хорошими уловами семги известна дер. Ваймужская, выше Карповой горы; недурно добывают и в Тороме, в Нижн. и В. Сметанце и в ряде еще других деревень.

Из рыбы варят уху, похлебку; пекут пироги с рыбой, изредка едят жареную.

Мясо употребляется реже, чем рыба и далеко не всеми. В урожайные годы большим подспорьем являются грибы и ягоды. Из грибов заготавливают соленьем: волнушки, белянки, грузди, рыжики и др.; сушат: опята (подберезовики), маслухи, боровики, белые грибы и др.

Из ягод заготавливаются: брусника, морошка, клюква, черника, голубика, малина и др.; бруснику парят или замачивают, морошку также замачивают; чернику, голубику и малину сушат. У охотников на лесную дичь пищевым подспорьем может служить мясо тетерок, рябчиков, куропаток, уток и проч., а также зайцев; изредка бывает оленина и лосина.

Из овощей и огородных растений раньше разводили очень немногие и то в малом количестве, предпочитая, в случае надобности, привозить со стороны: царило убеждение, что для роста овощей слишком суров климат. Однако, в настоящее время, когда за деньги ничего нельзя было достать, стали делать опыты с посадкой самых разнообразных овощей, и теперь в огородах можно встретить не только картошку да редьку, но и морковь, и свеклу, и даже огурцы; научились также садить и готовить цикорий и даже табак. Плоховато однако все-таки родится лук; зато картошка местами дает чудные урожаи и начинает быть хорошим подспорьем в хлебе.

Несмотря на всю совокупность указанных продуктов питания, дающую впечатление некоторой полноты, Пинега, в общем все-таки нуждается в привозе этих продуктов со стороны и, главным образом, основного из них—хлеба; лишь немногие счастливые деревни, расположенные выше среднего течения р. Пинеги, могут обходиться в урожайные годы своим собственным хлебом. В годы войны большую поддержку в питании пинежан оказывали некоторое время иностранные войска: тогда в каждом доме имелись консервы, рис, белая мука, шпик, геркулес и пр. „На шпик то тогда и смотреть не хотелось“, говорили нам во многих деревнях. Близ войсковых стоянок мы не раз видели целые горы банок из под консервов, свидетельствующие о больших запасах этого рода питательных продуктов, которыми снабжались не только войска, но и местное население.

После тяжелых лет войны и революции, когда всюду чувствовался недостаток в продуктах питания, он ясно ощущался (летом 1921 года) и на Пинеге. Однако праздничные угощения не были оставлены, и праздничный стол изобилует разнообразием и некоторым богатством кушаний в количественном и качественном отношении. Нам пришлось видеть праздничное угощение в семействе среднего достатка в дер. Воепале, в 3-х верстах от г. Пинеги, в Ильин день. За обедом было чуть не до десятка блюд, в том числе одних рыбных—четыре. К чаю были поданы пироги с творогом, с ягодами; ватрушки—круглые пироги с творогом; калитки—пресные пироги на сочных с сметаной и крупяной на молоке и масле поливкой (такие же почти, как в Олонецкой губ.); очень сдобные на сметане и на масле, небольшие круглые колбки и разнообразное сдобное печенье, в виде бисквитного и проч. Чай пили с молоком и малиной.

Тут же угощали домашней варки пивом, которое было без хмеля, так как достать хмелю в это время нельзя было нигде. Пиво здесь обыкновенно варят из ячменного солоду в больших чугунах в печи; сваренное из чугунов выливается в чан, из которого через „строй“ (стырь) или, вернее, прикрываемое им, посредине дна чана отверстие,—„спускается“ сусло, перевариваемое потом на пиво или брагу.

Старые традиции жили здесь до самого последнего времени и захватывали самые разнообразные стороны народной жизни, начиная с внешней обстановки, повседневных обычаев и кончая проявлением высших сторон народного духа,—религиозными и правовыми понятиями и художественно-творческими наклонностями.

Пинежское население отличалось большою религиозностью, проявлявшейся, между прочим, в его живом участии при постройке так величественно и красиво оборудованных храмов и монастырей (Красногорский, Веркольский, Сурский) и, с другой стороны, в исканиях наиболее „правой веры“.

Последняя особенность выразилась здесь, особенно в верховьях Пинеги, в распространенности староверческих учений беспоповского, австрийского и других согласий и толков. Местные интеллигентные

деятели также свидетельствуют о большой религиозности пинежан. Так было по крайней мере до самых последних лет, когда, под натиском революции и новых веяний, в народную жизнь ворвались новые влияния, так или иначе отразившиеся даже на самых крепких устоях прежней, народной жизни, не исключая, конечно, и религиозных верований. Прежде всего необычны и для многих не ожидаемы были внешние перемены в церковной жизни и в жизни духовенства и монашества: все были призваны к трудовой повинности, частью на местах, частью были отправляемы в города; монастырские хозяйства перешли в руки коммунальных управлений, а церковные организации должны были строиться на иных началах. Несомненно, что внешняя обрядовая сторона религиозной жизни сильно пострадала; а вместе с нею понесла некоторые изменения и другая сторона этой жизни.

К церковным праздникам по-прежнему приурочиваются пивные праздники, гулянья и игры молодежи. По очереди в той или другой деревне, или группе деревень варят пиво и готовят всяческое угощение, а из других деревень появляются гости,—прежде всего, родственники, близкие приятели, а потом и все, кому желание есть да время: на праздниках принято угощать всякого гостя. Во время угощения группируются компании пожилых людей и молодежи. При входе всякое новое лицо здоровается со всеми знакомыми и незнакомыми за руку, чаще всего молча. Молодые парни и девушки в перерыве между угощениями или после угощений играют в карты, или другую подобную игру. Парни сидят в шапках, или шляпах. Собравшиеся в домах группы молодежи к концу дня начинают выходить на середину деревни и за околицу—на луг, берег реки и прочие места, удобные для гуляний и игр. Мне пришлось видеть эти гулянья в Петров день в дер. Кулогорах и в Ильин день—в дер. Воепале. Группы молодежи из отдельных околотков дер. Кулогоры к вечеру сходились одна за другой на широкий просторный луг и здесь гулянье тянулось почти целую ночь. В нарядах была большая пестрота: рядом с чисто народным костюмом можно было видеть чисто городской, чаще всего заметна была смесь тех и других; правда, что среди собравшихся были не только жители деревень, но и города. Составились две больших группы, из которых одна придерживалась старых народных традиций, другая—городских порядков. Поочередно слышалась то старая русская песня, то городская, иногда самая модная. Первая группа организовала хоровод, который при пении соответствующих песен, то замыкался в круг, то размыкался, и, в последнем случае, по просторному лугу двигались от десяти до пятнадцати пар играющих. В хороводе пелись:

Хожу я по травке

Хожу по муравке... и т. д.

или:

За Дунаем гуляет казак молодой,

Там девица плачет за быстрой рекой и т. д.

А из другой группы слышались: „Накинув плащ“, „Стенька Разин“, „Коробейники“ и т. п.

Чувствовалось как бы состязание между деревней и городом, старой местной традицией и надвинувшейся извне новизной, поддерживаемой новыми входящими в народную жизнь порядками.

В деревне Воепале, в Ильин день, гулянье велось также с хородами и старинными песнями. Нам передавали, что и в дер. Вонге гулянья, хороводные и др. старинные песни, как и хороводы еще в большом ходу. Но все эти деревни—пригородные или расположенные вблизи города; по мере же удаления от города и углубления в населенные пункты вверх по Пинеге старина сохраняется еще лучше и живет местами почти в совершенной ее неприкосновенности. „У нас за Карповой горой“, говорили нам жители более высоких (выше расположенных) деревень: х в а л е н к и (т. е. молодые „на возрасте“ девицы на положении невест) в повязках (см. выше) ходят... Поют у нас не так, как пинежане (живущие около города Пинеги), поют хорошо: как ребята запоют,—так уж очень хорошо. (Собеседник не смог подобрать более удачного выражения)“.

Как известно, в деревнях выше гор. Пинеги были произведены еще в недавние годы записи былин А. Д. Григорьевым и былин, духовных стихов, песен, сказок и проч. О. Э. Озаровской. Но то, что было ими записано, еще далеко не исчерпывает—ни песенного, ни сказочного богатства этого края. „Старины“ поют у нас хорошо“, говорили нам в селе Пиринемском: „есть такие певцы, что Кривополенова, (в сравнении с ними) никуда не годится“. Так ли это или нет, но несомненно, что сохранились еще и певцы былин, как и других песен, как равно и сказочники в этом до сих пор любящем старые создания художественного слова „сказочном“ крае, где по словам О. Э. Озаровской, эта удивительная любовь к слову, к песне, к сказке... поражает впервые попавшего сюда человека. Любопытно, что кроме праздничных, игровых (хороводных), свадебных и т. подобных песен здесь пелись, изредка поются и теперь, песни-веснянки. Во время ледохода выходили на берег реки Пинеги и пели:

Разливалась мати вешняя вода
Да заливала все зеленые луга и т. д.

Также:

По зарюшке по заре
Да по вечерней по заре...
и др. песни.

Когда мы ехали на пароходе вверх по Пинеге, то не раз с высоких прибрежных полей придвигались группы женщин, занимавшихся здесь жатвой, и громогласно распевали здесь старинные русские песни, с протяжными, подчас очень красивыми, напевами.

Из долгих (старинных) песен для примера приведем здесь две, записанные нами у крестьянина дер. Вонги С. В. Злокина, 39 лет, малограмотного, большого любителя петь и обладающего большим запасом песенного материала.

I

Роспремилые девушки
Вы придите посидеть
Попросите батюшку
Самого в гости к сабе
Со родимой матушкой
В зелен садик погулять
Есь у нас во садике

Есть забава хороша
Забава премалые
На древах висят у нас
Под кусточком пташицы
Шипко-громко говорят.
Тут литит соловушко
Литит свищит молодой
Спрошу у соловьюшка
Тужит ли по мне милой
Я ли по милом друшке
Каждой час об нем тужу
Каждой час минуточку
Обливаюсь слезьми
Зайду в теплу спаленку
Лягу вничь я на кровать
До тех пор лежать буду
Поколь два часа не бьет.
Два часа ударило—
Мой миленький не бываю
Третий час ударило—
Мил стучится у ворот
Бежала я по сеночкам
Отворяла ворота
— „Миленький, хорошенький,
Зачем долго не бываю
Довел меня девушку
До славушки до худой
До худой до славушки
Выняю краску из лица“
— „Милая сударушка,
В лице краска не была,
Только было в личушке
Одне белы белила
Белые белалышка
И накладные румяна“.

II.

Раздуй—розвей погодушка
Калинка в саду.
Не весела пир-кампаньюшке,
Где милово нет.
Веселая пир-биседушка,
Где мой милый пьет.
Он пить не пьет
Да голубчик мой
За мной младой шлет.
А я младым-младешенька
Замешкалася—
За утками, за гусями,
За лебедями,
За вольною за птицею,
За ташицею.

Как ташица да по бережку
Похаживает.
Шелковую лис-травоньку
Соклявывает
Холодной ключевой водой
Захлябывает
Как ташица да за реченьку
Поглядывает.
За речинькой да за быстрою
Слободка стоит
Слободушка не малая
—Четыре двора
Во каждом да во домике
По жителю есь
У кажново да у жителя
По кумушке есь..
Вы кумушки да голубушки,
Подружки мои,
Вы кумитесь и любитесь
Любите меня
Вы пойдите во зеленой сад
Возьмите меня
Вы будите да цветочки рвать—
Сорвите и мне;
Вы будите венки плести—
Сплетите и мне;
Вы подите на Дунай-реку—
Возьмите меня:
Вы будите венки спускать—
Спустите и мой.
Как все венки да поверх воды,
Один мой утонул;—
Как все друзья со войны пришли—
Моево нет как нет.

Тот же С. В. Злокин пропел еще:

1. За Дунаем гуляет
2. Уж ли сад ли мой сад
Сад зелененький мой,
Ты зачем рано цветешь—расцветаешь
3. По воле летает орел молодой.
и др.

Тот факт, что долгие, протяжные (старинные) песни на Пинеге еще исполняются с большим увлечением не только женщинами, но и мужчинами, в том числе молодыми парнями, несомненно свидетельствует о большой еще прочности бытования здесь старой народной песни. Помимо больших праздничных гуляний и других вышеупомянутых случаев, особенно благоприятными для песни моментами являются зимние „вечереньки“, некоторые домашние работы, допускающие собра-

ния многих работающих и малые воскресные или обыденные гулянья летом. Все эти собрания по многим своим особенностям заслуживают самого внимательного отношения к ним этнографа, который мог бы почерпнуть здесь самые разносторонние и богатые материалы не только по песенному, но и другим видам словесного народного творчества, также по изучению нравов и обычаев, касающихся разных сторон народной жизни.

В заключение позволим себе сказать здесь еще несколько слов о Пинежских играх, по преимуществу детских.

Как и повсюду, наблюдаются игры одиночные (индивидуальные) и групповые (общественные); в играх последней категории принимают участие или одни мальчики или только девочки, или они бывают совместные. Так игры в куклы, в стряпню и под. занимают почти исключительно девочек, тогда как в войну, охоту и под.—мальчиков; и это совершенно естественно. Но любопытно, что некоторые из игр, в которых раньше бывали участниками исключительно мальчики, сделались совместными играми: очевидно здесь сказалось влияние и новой школы и новой жизни. Так в деревне Цимоле мне пришлось видеть игру в лапту [в мяч, который, кстати сказать, за неимением другого материала, был приготовлен (скатан) из шерсти], участниками которой были подростки мальчики и девочки (от 12 до 15 лет). В дер. Крестная Гора, почти рядом с г. Пинегой, также совместно мальчиками и девочками велась игра „в лунки“, которая раньше была игрой также исключительно мальчиков. Но в играх в войну, в стрелочки (метание стрелок), в „ружейки“ (самострелы), в разбойники и охоту, по нашим наблюдениям, если и принимали участие девочки, то лишь самое пассивное (как зрительницы).

Игра в рухи и некоторые другие ведутся не только детьми, но и взрослыми.

До какой степени может быть оригинальна и богата местными особенностями пинежская игра, можно видеть хотя бы на примере вышеупомянутой игры „в лунки“, описание которой по нашему личному наблюдению в общих чертах мы и позволим себе здесь привести.

Игра в лунки.

Нормальное число играющих—пять человек, но может быть немного больше или меньше. Для игры выбирается достаточно просторная и ровная площадка, обыкновенно лужайка, посредине которой выкапывается круглая ямка до полуаршина в поперечнике (вверху ее), вокруг которой на расстоянии 1—1½ саж. от нее делаются еще 4 или иное число, но на одну меньше числа участников игры, ямок меньшего размера,—до ¼ арш. в диаметре. Срединная большая ямка называется горшок, а окружающие ее — лунками. Для игры требуется деревянный шарик в 1—1½ вершка в диаметре и каждому участнику — ключка. Последняя представляет из себя довольно длинную, от 2½—3¼ арш., палку, у которой нижний конец загнут под тупым углом, на подобие того, как у печной клюки или кочерги, а на верхнем, для удобства и прочности держания в руках, сделана поперечная ручка—костылек в 2—2½ верш. длиною. Каждый участник игры приходит со своей ключкой им же самим изготовленной.

Перед началом игры „метаются“: Ставятся в ряд или полукругом, и ктонибудь, указывая поочередно на каждого участника, говорит: „стакан, лимон, выйди вон“. Попавший под слова „выйди вон“ — выходит, а „метание“ идет между оставшимися. Тот, кто остался, должен „париться“ с шариком.

„Метаются“ еще и так: выходит пара играющих; один берет „шашинку“ (щепочку), плюнет на одну ее сторону и, подбрасывая кверху, спрашивает другого: „сухо или слинки“. Тот должен угадать, что окажется на верху при падении шашинки на землю. Если спрашиваемый угадает — „выходит“, и оставшийся метается с другими; не угадает — „выходит“ метавший, а не угадавший метается с другими. Последний оставшийся „парится“. Все остальные становятся каждый в свою лунку и готовятся охранять „горшок“ при помощи „ключек“ от того, чтобы не попал туда шарик, который старается забросить парящийся. В этом состязании, в ловкости, с одной стороны — загнать шарик в горшок, с другой — отразить его, заключается главный интерес игры. Когда „парящийся“ бросает шарик издали, он кричит: „сала“. Все остальные скрещивают свои ключки над горшком и отражают шарик; если бросающий недалеко от „горшка“, то все играющие помещают концы своих ключек в „горшок“ и непрерывно двигают ими — „мешают кашу“. Тогда бросающий кричит: „Каши“. И если ему удастся забросить шарик в „горшок“ (если ключками не отразят шарика), то все бегут со своими ключками к „салу“, а оставшийся берется за свою ключку и становится в лунку. „Салом“ служит какоенибудь условленное место: стена, изгородь, куча мусору; бревно и т. п. Добежавши до „сала“ все спешат обратно и занимают лунки; оставшийся позади оказывается без лунки и „парится“. Собравшиеся в лунки около „горшка“ ударами ключек отгоняют шарик, как можно дальше; оставшийся парится также как и его предшественник, стараясь попасть шариком в „горшок“. Игра может продолжаться сколько угодно. Игроки могут по очереди сменять один другого.

Заканчивая наше краткое сообщение о весьма поверхностных и отрывочных наблюдениях народной жизни в Пинежском краю, мы, более чем кто либо другой сознаем все недостатки нашей работы; но решаясь на опубликование наших беглых и разбросанных этнографических заметок, мы позволяем себе надеяться, что в них все же содержатся указания и намеки на такие любопытные и полные научного интереса особенности этого края, на более глубокое всестороннее изучение которых должно быть обращено серьезное внимание, как научных кругов, так и государственных научных учреждений.

И если наша несовершенная работа сможет пробудить в научной среде желание заняться более обстоятельными и глубокими исследованиями в этой области, то и цель опубликования ее уже будет оправдана.

Литература.

- Жилинский, А. А. — Крайний Север Европ. России. 1919 г.
Молчанов, К. — Описание Архангельской губ.
Лепехин, И. — Дневные записки. 1771 г.
Летопись Двинская, М. 1895 г.
Верещагин. — Очерки Архангельской губ. 1849 г.

- Ефименко.—Заволоцкая чужь.
Известия Архангельск. Общ. Изуч. Русск. Севера 1909—1918 г.г.
Карамзин.—История Государства Российского.
Максимов, С.—Год на Севере. 1871 г.
Обзоры Архангельской губ. 1900—1915 г.г.
Огородников, С.—Прибрежья Ледовитого и Белого морей по Кн.
Больш. Чертежа. Записки Р. Г. О. т. VII.
Ончуков, Н.—Сев. былины.
Памятные книжки Архангельской губ.
Подвысоцкий.—Словарь областн. Арханг. наречия.
Соловьев, С.—История России с древн. времен.
Фон-Пошман.—Описание Арханг. губ.
Шренк.—Путеш. на северо-восток Европ. России.
Энгельгард, А. П.—Русский Север.
Озаровская, О.—Бабушкины старины.
Григорьев, А.—Архангельские былины.
Томский, И.—Выя и Пинежка.
Энциклопед. Словарь Брокгауза и Ефрона.
Чеботарев.—Российская География. М. 1776 г.
Семенов (Тяньшанский).—Географо-Статист. Словарь.
Пушкарев.—Список населенных мест Арх. г.

10/IV 1923 г.

Петроград.
